

Семенов Сергей Терентьевич

Из детских лет крестьянина
Рассказы

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Терентьевич С.**
Из детских лет крестьянина: Рассказы / Семенов Сергей Терентьевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 63 с.

ISBN 978-5-519-85297-5

Содержание: Турки; Первое христославленье; Учитель; Верный Иван

ISBN 978-5-519-85297-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

скими картинами. Онѣ были сдѣланы въ нѣсколь-
ко красокъ и очень ярко. На картинахъ изобража-
лись нѣкоторые святые, но двѣ изъ нихъ были
непонятнаго содержанія: на одной была нари-
сована деревня съ горящими дворами, изъ домовъ
бѣгутъ мужики и бабы съ ребятишками, а за ними
гонятся какіе-то люди и бьютъ ихъ; много побитыхъ
валяются кругомъ; мужичка какого-то вѣшаютъ
на деревѣ, а тамъ ребенка бросаютъ съ крыльца.
На другой картинкѣ было какое-то сраженіе.

Нѣ я, ни бабушка не знали, что означали эти
картины, и онѣ остались для насъ неразъяснен-
ными до середины Святой. Посреди Святой къ
намъ пріѣхала въ гости бабушкина дочь, тетка
Афимья. Она была выдана замужъ въ богатомъ
селѣ Левашевѣ. Левашево это стояло на большой
дорогѣ, и туда всегда приходили всякія но-
вости раньше, чѣмъ въ другія деревни. Тетка
Афимья всегда привозила ихъ намъ цѣлую кучу,
и знала она больше, чѣмъ наши деревенскіе люди.
Бабушка рассказала ей про нашихъ, про то, что
они домой на лѣто не придутъ, помянула про
гостинцы; а я показатъ ей картины. Тетка долго
разглядывала картины. Бабушка спросила ее:

— Что это такое тутъ? Мы никакъ не поймемъ.

— Это-то? Чего жъ тутъ не понимать,— ска-
зала тетка,—это турки.

— Какіе турки?—спросила бабушка.

— Да вотъ нехристи; живутъ, гдѣ старый Ерусалимъ стоитъ.

— Кого же это они бьютъ?

— А это они сербовъ мытарятъ. Есть такой народъ — сербы; они подъ ихнимъ владѣніемъ находятся, дань имъ платятъ, а вѣру нашу христіанскую держатъ. Ну, вотъ туркамъ-то и не любо это. И хочется имъ, чтобы они въ ихнюю вѣру перешли, а сербы не хотятъ,— турки-то и измываются надъ ними.

— Ахъ, басурманы этакіе! — воскликнула бабушка.

— И, и... такіе-то басурманы,—сказала тетка.— Намедни намъ лавочникъ въ вѣдомостяхъ читалъ, какъ они измываются-то надъ сербами: пріѣдутъ въ деревню, войдутъ въ избу,—старымъ головы долой, а малыхъ приколютъ, да въ ямы... А то начнутъ ремни изъ спины выкраивать, суставы на ногахъ и рукахъ вывертывать; очень ужъ озорничаютъ...

У меня отъ этого разсказа мурашки по спинѣ забѣгали; бабушка тоже заахала.

— Вотъ разбойники-то! — опять воскликнула она.

— Да еще какіе!—подтвердила тетка.—Только теперь, слава Богу, скоро ихнему безчинству

конецъ придетъ. Хочетъ нашъ батюшка-царь за сербовъ заступиться; ужъ солдатъ въ ихнюю землю погнали.

— Что жъ, воевать будутъ?

— Воевать будутъ.

II.

Я не утерпѣлъ и въ этотъ же вечеръ побѣжалъ на улицу и разсказалъ своимъ товарищамъ, какъ озорничаютъ турки, и какъ ихъ будутъ умирять.

Скоро, дѣйствительно, стали говорить, что война началась, что были уже сраженія. Наши солдаты перебрались за ихъ, рѣку Дунай и вошли въ турецкую землю. Говорили, что въ городѣ какъ-то разъ цѣлый день флаги висѣли, и въ церквахъ пѣли молебны, потому что нашему войску надъ непріателемъ Богъ даровалъ побѣду.

Иѣтомъ наши снова кое-чего прислали. Между гостинцами опять было нѣсколько картинъ. На этихъ картинахъ изображалось уже совсѣмъ другое: тутъ ужъ наши солдаты побѣждали турокъ, а турки падали, какъ чурки. Наши колютъ ихъ,

бьютъ прикладами, а турки падаютъ убитыми или бѣгутъ. Глядя, бывало, на такую картину, намъ, ребятишкамъ, дѣлалось очень весело, и мы съ злорадствомъ говорили:

— Ага, некрещеные! вотъ какъ наши треплютъ васъ! Это не то, что сербы: они вамъ покажутъ кузькину мать...

Но наша радость понемногу начала омрачаться. Стали носиться слухи, что на войнѣ бьютъ и нашихъ. Осенью къ намъ въ деревню пришло письмо, и въ немъ писали, что нашъ одинъ царень, взятый года два тому на службу въ гвардію, убитъ на войнѣ. А еще въ одной деревнѣ изъ четырехъ одинъ убитъ и одинъ раненъ. Выходило, что не зѣвали и турки. Послѣ этого стали говорить, что турки очень сильны, храбры и отчаянны. Очень просто, они и русскихъ покорятъ: придутъ въ Россію, заберутъ насъ въ плѣнъ и переведутъ въ свою вѣру. Намъ поддаваться туркамъ не хотѣлось, и мы, бывало, собравшись въ артель, думали и гадали, какъ мы будемъ отбиваться отъ турокъ.

III.

Подходилъ Великій постъ. Пришло извѣстіе, что въ нашъ городъ пригнали цѣлую партію турокъ, взятыхъ въ плѣнъ, и размѣстили ихъ по разнымъ домамъ на постой. Такими партіями,—говорили,—ихъ расселяли по всей Россіи. Въ деревняхъ вселопошились; особенно закопошились мы, ребятишки. Мы опасались того, какъ бы они не ушли, да не забѣжали къ намъ. Перепугають они всѣхъ до-смерти. Взрослые выражали неудовольствіе, зачѣмъ турокъ пригнали къ намъ: „они нашихъ бьютъ, а ихъ здѣсь хлѣбомъ кормить будутъ“. Это неудовольствіе росло, и вскорѣ, какъ пригнали турокъ въ нашъ городъ, пронесся такой слухъ,—будто бы въ городъ привели сколько-то турокъ въ баню мыться. Въ банѣ были и русскіе. Одинъ торговецъ тоже пришелъ съ толпой и, при видѣ турокъ, такъ озвѣрѣлъ, что нацѣдилъ полную шайку кипятку, подошелъ къ одному турку и вылилъ ее ему на голову. У насъ кое-кто и осуждалъ торговца, но многіе говорили, „что онъ молодецъ, что турокъ такъ и надо“.

Подъ конецъ зимы пришло извѣстіе, что съ турками заключили миръ, и стали говорить, что

плѣнныхъ изъ нашего города скоро угонять домой, и что не всѣмъ туркамъ хочется идти домой; одинъ, говорятъ, даже въ крещеную вѣру перешелъ и хотѣлъ остаться въ нашемъ городѣ совсѣмъ. Мнѣ такъ сильно хотѣлось хотѣ наконецъ увидать турокъ, что они начали во снѣ мнѣ сниться.

Однажды, послѣ Святой ужь, я сидѣлъ у амбара и дѣлалъ шалашъ изъ палочекъ. Вдругъ подбѣгаетъ ко мнѣ мой ровесникъ Гришутка Бурмистровъ и топчетъ:

— Салà-малàкъ, кулà-балàкъ!

Я оглянулся и сразу въ себя не могъ придти отъ изумленія. По лицу—Гришутка, а наряженъ какимъ-то шуткомъ: рубашонка забрана въ штанишки, на ногахъ какая-то кофточка, на головѣ шапка, вывернутая такъ вотъ, какъ на картинахъ у солдатъ: спереди — „здравствуй“, а „сзади“—прощай.

— Ты что это?—говорю я Гришуткѣ.

А онъ опять:

— Салà-малàкъ, кулà-балàкъ.

— Что ты съ ума спятилъ?—спрашиваю.

— Нѣтъ,—говорить,—это я въ турку играю.

— Нешто турки такъ говорятъ?

— Точь-точь такъ.

— Гдѣ же это ты ихъ слышалъ?

— А въ городѣ,—говорить.

— Какъ же ты туда попалъ?

— Я съ дѣдушкой ѣздилъ: тятюку въ Москву подвозилъ, ну, и видѣлъ турокъ-то.

Меня такъ и подняло всего.

— Гриша, миленькій, расскажи!—сталъ я просить его.

Гришутка сталъ рассказывать:

— Всѣ они черные-пречерные, ровно загорѣли очень, носы у нихъ большіе. Ходятъ они по городу, какъ-будто такъ и надо...

— А страшные они?

— Нѣтъ... не очень.

— Ты ихъ близко видѣлъ?

— Около нихъ стоялъ.

— И они тебя ничего?

— Ничуточки.

Послѣ этого мнѣ еще больше захотѣлось увидѣть турокъ. Я было сталъ приставать къ бабушкѣ и звать ее въ городъ, но она меня и слушать не хотѣла.

— Вотъ еще что выдумалъ! Зачѣмъ намъ въ городъ тащиться? Лучше не приставай...

IV.

И вдругъ, на мое счастье, къ намъ опять пріѣхала тетка Афимья. Я всякій разъ радовался ея пріѣзду, потому что она всегда привозила новости. Бросился я къ ней навстрѣчу и теперь, въ надеждѣ услышать что-нибудь хорошее.

Мои надежды оправдались. Тетка поздоровалась съ нами и проговорила:

— Слышали? Завтра турокъ изъ города мимо насъ погонять.

— Куда?

— Да въ Москву, а тамъ въ ихнюю сторону: отдохнули до-сыта, небось.

— Ну, что жъ, и слава Богу,—сказала бабушка.

— Извѣстно, слава Богу,—согласилась и тетка,—а то все подъ страхомъ ходишь.

Я не выдержалъ, бросился на шею теткѣ и залепеталъ:

— Тетя, миленькая, возьми меня съ собой; я турокъ погляжу.

— Ну, что жъ, поѣдемъ,—говорить, смѣясь, тетка Афимья.—Только смотри, ну-ко они схватятъ тебя да съ собой и увезутъ.

— Такъ я и поддамся имъ!

— А не поддашься, такъ поѣдемъ.

Тетка пообѣдала у насъ, посидѣла послѣ обѣда съ часокъ и стала справляться домою. Поѣхалъ и я съ ней въ Левашево.

Въ Левашевѣ я былъ самъ не свой. Пришелъ вечеръ, легли спать, я и заснуть не могъ, все думалъ, какъ я завтра турокъ увижу. И что мнѣ только не лѣзло въ голову. До третьихъ пѣтуховъ я не смыкалъ глазъ. Зато и заснулъ, какъ убитый. Утромъ тетя Афимья стала меня будить, но я и голоса ея не слышу. Едва разобралъ, что она мнѣ говорила; и только я разобралъ, что она поднимаетъ меня турокъ глядѣть,—я, какъ кошка, спрыгнулъ съ постели и бросился со всѣхъ ногъ къ трактиру, мимо котораго шла большая дорога. Когда я подбѣжалъ къ трактиру, то оказалось,—турки были тамъ ужъ. Ихъ было довольно много, больше ста человекъ. Одни изъ нихъ ѣхали на подводахъ, другіе шли пѣшкомъ. У трактира сдѣлали привалъ, и они—кто стояли, кто лежали, раскуривая табакъ и разговаривая между собой. Ихъ окружали провожавшіе ихъ наши солдаты. Гришутка говорилъ правду: турки были не очень страшны, только смуглые и черноволосые, и носы у нихъ были большіе. Одѣты они были такъ же, какъ и наши солдаты, только все у нихъ было похуже. Но старшіе изъ нихъ были щеголеватѣе много нашихъ солдатъ; мундиры на нихъ были

какъ врѣзаны, и головы ихъ украшали красныя фески съ кисточками. У меня разбѣжались глаза, и я не зналъ, кого впередъ разсматривать. Я вошелъ въ ихъ кругъ и глядѣлъ то на одного, то на другого. Наконецъ, я остановился около одного солдата, большого такого, плечистаго, тоже съ большимъ носомъ, при чемъ этотъ носъ былъ еще съ горбиной. Онъ мнѣ показался очень веселымъ: глядитъ кругомъ, посмѣивается, должно быть радуется, что въ свою сторону идетъ. Увидалъ онъ меня, схватилъ подъ мышки и высоко-высоко поднялъ на воздухъ и говоритъ по-нашему, хотя очень плохо:

— Хошь къ намъ пойдешь? а? Хошь?

Сердце во мнѣ такъ и затрепетало,—и жутко мнѣ, и весело.

— Пусти! — взвизгнулъ я изо всѣхъ силъ и заболталъ ногами.

Спустилъ меня турокъ на землю, отскочилъ я отъ него, а онъ все глядитъ на меня и все смѣется.

— Какъ звать? Ванька звать?—спрашиваетъ.

— Нѣтъ, врешь, Петюшка!—крикнулъ я.—А тебя какъ?

— Идрись. Идрись-Хуршудъ меня звать, — говоритъ турокъ, не переставая скалить зубы.

Народу собралось вокругъ множество. Изъ села и изъ сосѣднихъ деревень пришли; нѣкоторые